

ЭДУАРД УСПЕНСКИЙ

*Зеркало
Памяти*

Он был
*министром
по детству.*
Он был
оптимистом.

У него получалось
погрузиться в **реальность**
детского мира, жить
ощущениями детей.

Успенский — психолог.
Он хорошо знает
детскую психологию,
ну а взрослые — это
взрослые дети. Если
покопаться, в **каждом**
взрослом остается
что-то детское. Поэтому
как детский писатель
он пролезает в душу
каждого взрослого.

Жил-был один писатель...

ЮРИЙ ЭНТИН ФЕЛИКС ШАПИРО ВИКТОР ЧИЖИКОВ

ЮРИЙ НОРШТЕЙН ГРИГОРИЙ ОСТЕР МАРИНА МОСКВИНА

АНДРЕЙ УСАЧЕВ МАРИНА БОРОДИЦКАЯ ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ

Зеркало памяти

Сборник

Жил-был один писатель...
Воспоминания друзей
об Эдуарде Успенском

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8

Сборник

Жил-был один писатель... Воспоминания друзей об Эдуарде Успенском / Сборник — «Издательство АСТ», 2021 — (Зеркало памяти)

ISBN 978-5-17-136785-5

В книге собраны воспоминания тех людей, которые хотели сказать что-то об Успенском Эдуарде Николаевиче. Которые гордились тем, что дружили с ним. Или хотя бы знали его. Мы попытались нарисовать его портрет. И ничего не получилось. Потому что Успенский — это... Трудно сформулировать. Это сгусток весёлой энергии. Не может быть, чтоб она совсем исчезла. Для широкого круга читателей. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8

ISBN 978-5-17-136785-5

© Сборник, 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

От составителей	6
Александр Курляндский	7
Юрий Энтин	9
Александр Левенбук	17
Валерий Воскобойников	19
Феликс Шапиро	21
Михаил Липскеров	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Эдуард Успенский

**Коллектив авторов
Жил-был один писатель...**

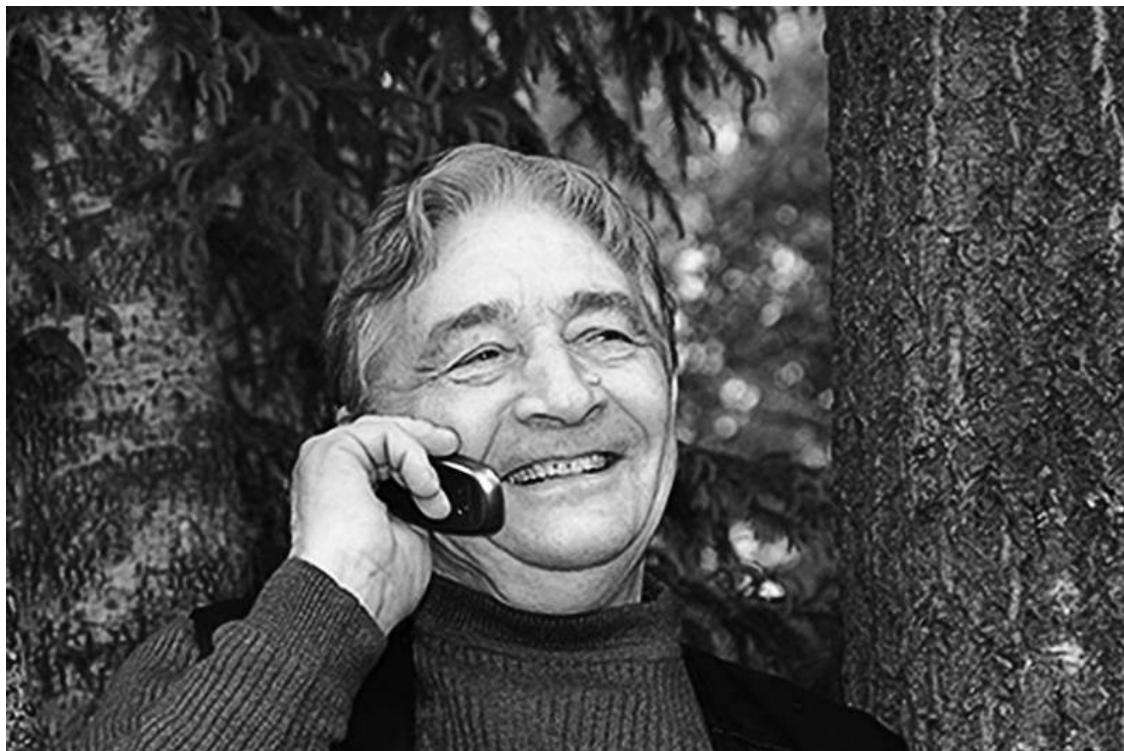

фото В. Ускова

От составителей

Эдуард Успенский был ярчайшей звездой на литературном небосклоне, причём имеется в виду не только литература в собственном смысле слова, как совокупность текстов, но и Литература как часть жизни читающей публики и, главное, область деятельности писателей, редакторов, иллюстраторов, издателей и представителей многих других специальностей, включая работников театра, кино, радио и телевидения.

В очередной раз нам удалось убедиться в этом при работе над сборником, который мы представляем вашему вниманию: все, кто так или иначе сталкивались с Эдуардом Николаевичем, с готовностью откликнулись на предложение поделиться воспоминаниями о нём. И здесь представлена лишь малая часть этих воспоминаний.

С особенной благодарностью хотелось бы отметить помощь, которую нам оказали в сборе материалов сотрудница Государственного литературного музея Надежда Тузовская, главный редактор журнала «Костёр» Николай Харлампиев и писатели Станислав Востоков и Александр Гиневский.

Александр Курляндский

Эдик Успенский. Как весело мы жили

В далёкие 60-е годы мы заканчивали вузы: я и Хайт – строительный, Эдик и Феликс Камов – МАИ. Мы с Хайтом начинали писать юмористические рассказы, на нас обратили внимание актёры, в том числе Лившиц и Левенбук. И для них же писали Успенский с Камовым. Мы, конечно, заочно знали друг друга, и раньше или позже должно было произойти то, что и произошло: на каком-то мероприятии мы познакомились лично и очень подружились.

Эдик мне казался немножко странным. Позже, когда мы уже работали вместе у меня дома, он становился на стул, вверх ногами, так что ноги болтались где-то наверху. Однажды зашёл мой отец, увидел эту сцену и покрутил пальцем у виска.

Мы были молоды, задорны, играли в футбол. Я был перворазрядником, играл лучше других, но Эдик был страшно азартным. Мой товарищ, который тоже учился в авиационном институте и занимался в секции бокса, рассказывал, что как-то к ним на занятие пришёл Успенский. Его, конечно, здорово избили и были уверены, что он больше не появится. Но нет! Он пришёл опять и упорно продолжал ходить, хотя больших успехов так и не добился.

Он был безумно талантлив, писал и писал, но не всё получалось одинаково удачно. Что ж, не всё гениально бывает. Мы читали друг другу свои новые вещи. В общем, нормальные мальчишки тех времён, хулиганистые, выпивающие, радовались жизни.

Это была настоящая юношеская дружба, которая сопровождалась написанием пьес, интермедий – что казалось не работой, а удовольствием.

Однажды я пришёл в творческое объединение «Экран», где Эдик работал, и стал свидетелем его спора с главным редактором. Спор получился совершенно жуткий, они буквально за горло хватили друг друга. А потом мы вышли, и он внезапно преобразился, засмеялся и подмигнул мне: «Ну, как я?» Я-то воспринял всё это совершенно серьёзно, думаю, и главред тоже. А для него это была игра, шутка.

Мы вчетвером придумали «Ну, погоди!» Начали вместе работать, вдруг телефонный звонок. Эдик берёт трубку, а потом говорит: «Всё, ребята, больше не могу работать. Римма рожает». Ушёл, и мы остались втроём. Впоследствии он жалел об этом, хотел включиться, но не получилось, Феликс Камов был против. Он был самым старшим из нас, неформальным руководителем нашей группы.

Часто мы работали вместе. Помню: на театре эстрады – огромная афиша новогодней пьесы: «Курляндский, Успенский. Постановка Розовского». Я не считал себя детским автором, а Эдик уже совершенно чётко определился, он лучше понимал, что и как должно быть в пьесе для детей. Он в нашей паре был ведущим.

Как мы работали? Весело, причём далеко не с утра, шутили, вечера тоже проводили вместе. Больше дружба, чем творческое сотрудничество. Я был в курсе всех его дел. И личных тоже.

Однажды приходит ко мне Эдик и говорит: «Меня вызвали в КГБ. Если я не вернусь, позвони по этому телефону». Потом он рассказал: сидели три жёстких человека, и состоялся довольно крутой разговор в таком духе: «А вы не боитесь?...» Думаю, дело было в том, что он вёл себя слишком раскрепощённо. Он вообще говорил, что думал, мог и про Лапина, тогдашнего телевизионного начальника, сказать, что думает.

Помню такой эпизод.

В ЦДРИ проходили вечера сатиры и юмора, которые вёл известный писатель Яков Костюковский. Выступали молодые Арканов, Славкин, Горин, Розовский, мы с Хайтом... Участвовал, разумеется, и Эдик. И всегда у нас был успех. Но на одном таком выступлении успеха не

было. В зале были директора клубов, приехавшие на фестиваль со всей России. Каждый автор знает, какие места у него удачные, как зал реагирует на ту ли иную фразу, а здесь – полная тишина, ни одного смешка, ни одного хлопка. Арканов повернулся ко мне и говорит: «Успех превзошёл все ожидания». Потом в Министерстве культуры РСФСР устроили разбор нашего выступления. Министр должен был заниматься этим, хотя особого удовольствия это ему не доставляло.

Думаю, в том, что Успенский стал детским писателем, сыграла роль его дружба с Заходером. Заходер был мэтром, Эдик много от него впитывал, относился с большим пиететом и рассказывал, как много ему даёт общение с Борисом Владимировичем, это было очень сильное влияние.

Сейчас я понимаю, что Эдуард Успенский был глубже. Он очень серьёзно относился к тому, что писал. Несмотря на шуточки и розыгрыши, которые сопровождали наши занятия.

Однажды мы были втроём в Доме творчества: я, Эдик и Витя Славкин. Витя писал какую-то пьесу, возможно, «Взрослую дочь молодого человека». Как-то он уехал в Москву по делам, а мы забрались в его номер, двери мы не запирали, и поменяли две страницы текста. Но так, чтобы не бросалось сразу в глаза: где-то слово вставили, где-то поменяли слова местами, вроде то же самое, но ритм фраз изменился. Потом заходим: «Витя, что ты пишешь?» Эдик взял листки, стал читать, Славкин сразу ничего не заметил. Потом мы, конечно, признались в розыгрыше.

Но вообще к творчеству Успенский относился со всей серьёзностью. В те годы он обычно писал, лёжа в ванне, и беспрестанно мне звонил. Глубоким вечером: «Как тебе это? Как тебе это? Нравится, не нравится?» Представляете? Пришли друзья, у нас застолье, и вдруг звонок от Эдика, причём уже не первый: «А как тебе эта фраза?»

– Замечательно, – говорил я. – Ты настоящий детский писатель!

Юрий Энтин

Справедливость по-успенски

Я глубоко убеждён, что Эдуард Успенский более полувека является самым лучшим детским писателем нашей страны. Мне это стало ясно в 1966 году, когда вышла книга «Крокодил Гена и его друзья». Именно эта повесть положила начало семейной литературе в России. Его книги одинаково интересно читать и детям, и взрослым.

Я испытал это на себе. Работая на фирме «Мелодия» редактором, я влюбился в самую красивую и притом умную нашу редакторшу. Но жениться не решился. Дело в том, что у неё был очень странный сын от первого брака. Странность заключалась в том, что он с трёх лет стал энтомологом: интересовался только насекомыми и был совершенно равнодушен к литературе и искусству. Я пытался как-то привязать его к себе, а он был такой... совершенно независимый. Тогда я приобрёл книгу Фабра «Жизнь насекомых» и стал ему читать её каждый вечер.

Но вот в нашем доме появилась книга «Крокодил Гена и его друзья». Я бросил Фабра и начал читать Успенского. К нам присоединилась невеста-мать. Мы вместе хохотали и – сдружились! Так родилась наша дружная семья, которой недавно исполнилось 50 лет.

В то время я ещё не сочинял. Вернее, писал какие-то стишки. Вышло несколько моих «произведений», но настоящее первое произведение – песни к мультфильму «Бременские музыканты» – я написал не без влияния этой книги. И мультфильм этот первым делом я показал Успенскому. Он одобрил. А когда в 1969 году должна была выйти пластинка, я попросил именно Успенского написать аннотацию к ней. Приведу этот необычный для того времени текст полностью:

Уважаемые владельцы пластинок, в ваших руках конверт. В конверте лежит пластинка. А на пластинке на длинной-длинной выющейся дорожке записана одна чрезвычайно интересная история. Её придумали для вас Василий Ливанов, Юрий Энтин и композитор Геннадий Гладков, и называется она «Бременские музыканты», так же, как и хорошо знакомая вам сказка братьев Grimm. В обработке молодых авторов эта старинная сказка засверкала новыми современными красками.

Я просто уверен, ребята, что вам очень понравится её главный герой – энергичный и неунывающий юный Трубадур. Что у вас вызовут симпатии друзья Трубадура – великие артисты того времени – Пёс, Осёл, Кот и голосистый Петух. Что все вы будете смеяться над недалёким и глупым «Его Чванличеством» Королём и его разудалой стражей. А ужасные и невероятно опасные разбойники во главе с грозной Атаманшей вам совсем не покажутся страшными.

Между прочим, если бы я вам не сказал, вы ни за что бы не поверили, что почти все эти сложные и такие разные роли играет всего один человек – артист Олег Анофриев.

И ещё вам, наверное, интересно будет узнать, что существует мультипликационный фильм «Бременские музыканты», созданный режиссёром Инессой Ковалевской на сюжет сказки В. Ливанова и Ю. Энтина, который вы сможете посмотреть.

Вот и всё, ребята. А теперь вы можете слушать сказку.

Эдуард Успенский

А потом вышла вторая пластинка – «По следам Бременских музыкантов». И Успенский снова написал весёлую аннотацию:

ВСЕМ ДРУЗЬЯМ

БРЕМЕНСКИХ МУЗЫКАНТОВ

Дорогие ребята! Папы и мамы!

Вы купили эту пластинку и правильно сделали. А если ещё не купили, а держите в руках в магазине, то немедленно покупайте. И вот почему.

Несколько лет тому назад в продаже появилась пластинка «Бременские музыканты». А на экранах – мультипликационный фильм с таким же названием. Я тогда советовал вам купить эту пластинку и оказался прав. Она так понравилась и детям, и взрослым, что скоро все до одной пластинки были раскуплены. А было их выпущено несколько миллионов. И ведь они не пылились в шкафу, а игрались во всех домах и квартирах. Уж больно весела была сказка и задорны песни в ней!

Придумали эту сказку два весёлых человека и один очень весёлый. Весёлые – это поэт Юрий Энтин и режиссёр Василий Ливанов, а очень весёлый – это композитор Геннадий Гладков.

И вот они написали новую историю. Если вы думаете, что за это время они поскущнели, вы ошибаетесь. Весёлые стали ещё веселее, а очень весёлый – композитор Геннадий Гладков – настолько развеселился, что сам стал петь как актёр. Он выступает в роли Короля. Роли Сыщика, Трубадура и Атаманши исполняет Муслим Магомаев.

А теперь ставьте пластинку на проигрыватель и приглашайте на сказку своих лучших друзей.

Э. Успенский

Настал момент, когда обратились уже ко мне, чтобы я написал предисловие к сборнику песен Эдуарда Успенского. И я, конечно, написал:

Мне очень повезло, что мой любимый писатель Эдуард Успенский одну за другой сочиняет повести-сказки, придумывая всё новых и новых замечательных героев. Вот если бы он всё время писал такие детские песни, как в этой книжке, то мне бы пришлось начать писать повести или стать безработным. Сочинять повести я не умею, а быть безработным не хочу.

А впрочем... пиши, мой дорогой друг, новые песни. А я уж как-нибудь...

Твой Юрий Энтин

И в самом деле: песня старухи Шапокляк «Кто людям помогает, тот тратит время зря...» или песня Чебурашки «Я был когда-то странной игрушкой безымянной...», или «Катится, катится голубой вагон...» – это шедевры. Не говоря уж о «Пластилиновой вороне»...

Но я немного забежал вперёд. Расскажу, как мы познакомились.

На фирме «Мелодия» я записывал разных актёров, которые читали сказки и стихи для детей. У меня появились молодые артисты – два Александра – Лившиц и Левенбук. Они оригинально и смешно читали «Муху-Цокотуху» Корнея Чуковского. Мы подружились. И они мне стали рассказывать о своём друге Эдуарде Успенском: есть, мол, писатель, который вскоре прославится, – умнейший, талантливейший, ярчайший.

– У него очень хорошие стихи, и мы хотим, чтобы вы познакомились. А там уж решите, может ли он вам пригодиться. Но только учтите: он терпеть не может начальства.

Я говорю:

– А где вы видите начальство?

– Ну вы же руководите детской редакцией – значит, начальник! Поэтому, пожалуйста, чтобы он продолжил с вами разговор, его надо называть по имени отчеству – *Эдуард Николаевич* – и ни в коем случае не переходить на *ты*. Иначе будут неприятности.

Я говорю:

– Хорошо, хорошо. Я и так никогда не перехожу на ты.

Приходит в редакцию Успенский. Я его приглашаю сесть за мой редакторский стол, напротив. Он протягивает руку и говорит:

– Эдик.

Я тут же:

– Юра.

С этого момента мы не расставались. Наша дружба не прекращалась никогда. Не было ни одного случая, чтобы мы поссорились.

Для моего характера в этом нет ничего странного – это нормально. А вот для Успенского – это явно не нормально, потому что он со многими бывшими друзьями, а тем более не друзьями, рассорился. Почему же он не поссорился со мной? Просто я понял, что для него высшая ценность – это справедливость. Я его считаю **самым справедливым** человеком, которого встречал. Но это необычная справедливость, это – справедливость по-Успенски: что он считал правильным, то он и делал – жёстко, не обращая ни на что и ни на кого внимания.

Приведу пример. Звонит мне Николай Владимирович Литвинов – великолепный актёр и главный режиссёр детского радио:

– Юра, я хочу, чтобы вы придумали какую-нибудь детскую эстрадную передачу по типу «С добрым утром», и мы будем её давать, как и «Доброе утро», раз в неделю. Вы сами придумайте, а я с вами заключу договор с хорошим гонораром.

Я сказал, что согласен, но при условии, что моим соавтором будет Успенский.

Через некоторое время звонит растерянный Литвинов и говорит, что Успенскому не нужен соавтор и он справится сам:

– Видите, как плохо получилось!

Я говорю:

– А что здесь плохого? Он вам честно сказал то, что думает.

И Успенский стал делать знаменитую «Радионяню» – образовательную передачу для детей, которая в нашей культуре сыграла огромную роль. Кстати, он и меня пригласил делать какие-то рубрики. Я их делал первое время, а потом, как ни странно, не справился с этим...

Вот поэтому я и говорю о справедливости! Мне важно, чтобы тот, кто читает эти строки, понял: дело не в том, что он у меня, как могут сказать некоторые, «перехватил» работу. А в том, что это вообще не работа, это – творчество. А в творчестве ему не нужен был соавтор. И он это честно сказал. Я его понял и именно с этого момента полюбил. А кто этого не понимал, тот обижался на него и даже становился его врагом.

Кстати, предложи Литвинов мне работать одному, я бы категорически отказался – не чувствовал в себе достаточно сил и умения. И ведь жизнь показала, что я даже рубрику не сумел вести. А Успенский доказал, что способен на большее, создав ещё и две популярнейшие телепередачи: детскую – «АБВГДейка» и взрослую – «В нашу гавань заходили корабли».

Ещё один случай. Мне позвонил редактор «Союзмультфильма» Александр Тимофеевский и предложил написать песню к мультфильму «Чебурашка». Я сел писать. Но тут снова звонит Тимофеевский:

– Прости, Юра, – Успенский против тебя.

Мы с Эдиком были уже достаточно близкими друзьями. Я позвонил, спрашиваю:

– Почему ты не хочешь, чтобы я писал?

– Потому что ты стал не только автором песен, но и знаменитым сказочником, и теперь все скажут, что ты написал не только «Бременских музыкантов» и «Голубого щенка», но и моего «Чебурашку». Поэтому я и хочу, чтобы песню написал никому не известный автор.

И таким автором стал тот самый Тимофеевский, который до этого песен не писал, а был известным поэтом «самиздата». Он создал великолепную песню: «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам...»

Но прошло какое-то время, и вдруг Эдик сам попросил написать песню к его мультфильму «Зима в Простоквашино»:

– Юра, я хочу, чтобы ты написал новогоднюю песню и чтоб была не хуже, чем «В лесу родилась ёлочка». Ты сможешь.

– Ещё бы! – ответил я. И написал «Кабы не было зимы в городах и сёлах...»

У Эдуарда Успенского было продюсерское чутьё. К примеру, Аркадий Хайт сочинял для многих артистов невероятно смешные сатирические миниатюры, в том числе для Геннадия Хазанова. Но никогда не писал песен. Однако именно к нему Успенский обратился за песнями для «Радионяни». Не ко мне, а к нему. Я бы никогда не смог так остроумно, изящно зарифмовать, скажем, правила о том, какие ударения в каких словах надо ставить. Я просто восхищался этими стихами.

Успенский абсолютно точно чувствовал: кто что может сделать лучше всех – вот в чём дело.

Лет десять назад мне предложили написать песню для мультфильма «Весна в Простоквашино». Причём сценарий был написан не Успенским. Я очень удивился. Эдик в это время лежал в больнице в Германии. Но мне передали его слова: «Пускай сценарий будет не мой, только песню пусть Энтин напишет».

И я написал:

Мечтаем мы о жизни деревенской.
Жить в городе – ну просто нету сил.
И вот писатель Эдуард Успенский
Детей и взрослых в гости пригласил.

Не надо никакой нам заграницы,
Ведь чудеса от нас невдалеке.
Здесь люди, и животные, и птицы —
Все говорят на русском языке!

У нас никто не гонится за модой.
В деревне каждый каждому сосед.
И все живут в согласии с Природой,
Встречая этой песенкой рассвет:

Весёлая деревня Простоквашино,
Ты лучше всех на свете деревень!
Хотите, чтобы жизнь была украшена?
В деревню загляните хоть на день!

Я очень не хотел отдавать эти стихи продюсерам без одобрения Успенского и попросил человека, который был рядом с ним, прочитать ему этот текст. Вскоре человек перезвонил и сказал, что песенка Успенскому понравилась, но только он просит убрать куплет с его именем. Так что в мультфильм песня вошла в урезанном виде.

Когда Эдик вернулся в Москву, я его спросил, почему он «запретил» первый куплет.

Он ответил:

– Ничего я тебе запретить не мог, потому что стихов твоих никто читать мне не давал. И сценарий этот к постановке я не одобрял.

Мультфильм всё равно вышел, но получился откровенно слабым, хотя песню с прекрасной музыкой Евгения Крылатова все хвалили. Я твёрдо решил восстановить справедливость: сам сниму видеоклип «Весёлая деревня Простоквашино» и покажу его в своих социальных сетях, ведь с телевидением я перестал сотрудничать. В том числе в связи с позорной травлей Успенского.

Но поговорим лучше о более приятных вещах. Вспоминаются невероятные истории. Вот, например, такая.

В Подмоскowie есть посёлок Болшево, и там – Дом творчества кинематографистов. Однажды меня туда пригласили как молодого кинематографиста – принять участие в семинаре. Съехалось много интересных людей, в том числе Эдуард Успенский. Все перезнакомились. Начались интересные занятия. Всё как-то было весело и легко. Но... до определённого момента. Объявили, что на семинар приехал сам Филипп Денисович Бобков – заместитель председателя Комитета госбезопасности (КГБ), он хочет с нами поговорить и готов ответить на наши вопросы.

Ну хорошо. Встретились. Он сделал небольшой доклад, довольно приятный. Можно сказать, для КГБ – демократичный. Потом говорит:

– Я закончил. Задавайте вопросы.

Тишина. Какие вопросы? Это они обычно задают вопросы (и в другой обстановке). Поднял руку один Успенский:

– У меня, – говорит, – к вам вот такой вопрос: я написал шесть повестей, они лежат в столе, их не печатают по причине отсутствия бумаги в стране. Я хочу спросить вас: почему у нас нет бумаги? Что случилось?

Филипп Денисович стал что-то объяснять: мол, непростая международная обстановка, страна переживает временные трудности, пройдёт время и ваши книги будут напечатаны... А Успенский:

– Вы говорите, временные трудности. Но я тогда не понимаю, почему у писателя Леонида Брежнева вышла книга «Малая земля» и бумага для этого нашлась. И тираж был огромный. Могли бы все шесть моих книг напечатать вместо одной этой.

Он замолчал. Все замерли. Эту звенящую тишину, думаю, никто из тех, кто там был, никогда не забудет... Зампред КГБ, побагровев, повернулся лицом к президиуму и произнёс:

– Это провокация.

И ушёл.

Побелевший руководитель симпозиума подошёл к Успенскому и говорит:

– Эдуард Николаевич, я вас очень прошу: соберите вещи и уезжайте.

Эдик молча собрал вещи и уехал. Но весёлой обстановки как не бывало. Все о чём-то шептались. Атмосфера была какая-то неприятная – нервная. Настроение подавленное. Никто не знал, что говорить: ни осуждать Успенского, ни защищать никто не решался.

И вот, наконец, настает момент, ради которого многие и приехали в «Болшево», – банкет! Все собрались за огромным столом. Режиссёр Фёдор Хитрук, старейшина советских мультфильмов

типликаторов, начал говорить тост, связанный с семинаром. И вдруг входит Успенский. Все повернулись к нему, замерли... И он сказал:

– Фёдор Савельевич, обождите! Я вас очень прошу, сядьте, я хочу произнести первый тост.

Все замолчали. Эдик попросил и ему налить рюмку. Места для него не было, он начал стоя:

– Я хочу провозгласить тост за лучшего друга советских мультипликаторов и юмористов – Леонида Ильича Брежнева.

Молчание. Никто не пошевелился. Тогда Эдик достаёт блокнот и ручку и говорит:

– Кто сейчас не выпьет, я запишу и отправлю прямо товарищу Бобкову!

И тут начался такой гомерический хохот, что все стали как братья. Эдика посадили за стол, начали обниматься... И это сошло ему (да и нам) с рук.

Спустя какое-то время, уже в девяностые, я рассказал об этом случае по телевизору. После передачи Эдик позвонил мне и говорит:

– Я смотрел и сам смеялся, а потом задумался: всё-таки, ты меня считаешь нормальным или сумасшедшим?

Я ему сказал:

– Я считаю, что ты **самый нормальный** из нас.

И таких случаев я могу рассказать огромное количество. Скажем, однажды он позвонил мне:

– Юра, я очень тебя прошу поехать со мной в суд. Я подал в суд на «Союзмультфильм»: они считают, что мультипликационные персонажи принадлежат только им, а я считаю, что они принадлежат в том числе и писателю – автору.

Я говорю:

– Не хочу я идти в суд, не люблю я этого. Да и не был никогда.

Он:

– Ты можешь меня поддержать?

Я спрашиваю:

– А что от меня требуется?

– Да ничего, просто посиди. Ты такой милый, обаятельный. Может, повлияешь на судей.

Короче, я пришёл.

Со стороны истца я был один. А с той стороны – трое представителей «Союзмультфильма», юристов. А у Эдика не было юристов, он сам все свои аргументы юридически обосновывал. Завязалась дискуссия. И победил полностью Успенский! Когда судьи – три строгие женщины в мантиях – это объявили, я спрашиваю:

– Скажите честно: вы руководствовались буквой закона или это я на вас повлиял? Успенский сказал, что я «такой милый, обаятельный»...

Они серьёзно говорят:

– При чём здесь закон? Конечно, это вы повлияли!

Как Успенский хохотал!..

Назад мы ехали очень весело, и он спрашивает:

– Юра, тебе понравилось?

Я говорю:

– Понравилось. Особенно, что ты без юриста, сам доказывал. Но я не понимаю одного: зачем тебе это нужно? Тебе что, не хватает денег? Зачем? Это же нервы! Изматываешь себя.

А он:

– Никаких нервов. Мне почти всё равно, выиграл я или проиграл. Дело не в деньгах, а в справедливости. Я не растрачиваюсь на это, а наоборот. Я согласен с Марксом, что жизнь – борьба. Мне нравится бороться.

А вот ещё одна характерная история из его личной жизни.

Успенский удочерил двух девочек. Я, честно сказать, этого не понимал. Но однажды я приехал в деревню, где он жил, и застал в его доме такую картину. Стол, за столом с одной стороны сидит он, с другой – девочки, а посередине – макет театра, сцена, куклы. Говорит:

– Юра, я тебя очень прошу: ты или иди погуляй, или, если хочешь сидеть – сиди, но только тихо. Сейчас идёт спектакль – я занимаюсь с дочками.

Забавно... Трогательно... Девочки реагировали невероятно. Длилось это не менее получаса. Я чуть-чуть раньше приехал, но он наметил занятие с дочками и довёл его до конца, не обращая на меня внимания, не извиняясь и не стремясь завершить побыстрее. Это на меня произвело мощнейшее впечатление: я видел их любовь к нему и его терпение и отцовское внимание.

Успенский начал выезжать за границу – в Финляндию, где вышла его сказка. Он договорился, что деньги за перевод его книги дадут не государству, а непосредственно ему в руки. Не знаю, как уж ему это удалось – даже артисты Большого театра за рубежом не решались заработанные деньги получать на руки. А на весь гонорар он купил видеомагнитофон. Я ещё не понимал, что это такое, потом позвонил друзьям, и мне рассказали, что к чему. И вот я ему звоню:

– Эдик, мне плёнки дали посмотреть – мюзиклы заграничные. Можно я к тебе приеду – посмотрим?

– Да нет, – отвечает, – я всё это решил передать детскому дому. Им это нужнее, чем нам.

Как-то я приехал к нему на дачу. Мы зашли в комнату, где были только его книги. Он снял с полки одну и говорит:

– Долго думал, подарить тебе или не подарить. Это книга о Лжедмитрии. Я, конечно, не историк... – И вручает мне толстую книгу. Он издал её за свой счёт и весь тираж выкупил. Я не знаю, читал ли её кто-нибудь кроме меня. А смущался он, по-моему, потому, что я по образованию преподаватель истории. То есть, при всей уверенности в себе, у него не было чувства «Я – гений».

Закончить я хочу такой историей. Все знают, что он всегда делал то, что хотел. Но при этом...

Какое-то время я вёл на Первом канале передачу «Чунга-Чанга». Смысл её был в том, чтобы знакомить детей с авторами, которые писали детские песни. В том числе, конечно, с Успенским. Эту программу было бы интересно найти, потому что такого Успенского никто никогда не видел. Перед съёмкой он мне сказал:

– Юра, это твоя передача. Скажи, что мне делать? Я буду делать абсолютно всё, что ты велишь, и на сто процентов подчиняться тебе.

Я говорю:

– Да нет, не надо. Будь собою. Даже если ты глупости наговоришь, я вырежу. Ничего не бойся. Будь свободным.

И он стал читать свои лирические стихи, которых я никогда не слышал. Он был невероятно трогательный, нежный. И даже какой-то беззащитный. Я над ним подшучивал, а он не отвечал. Я его пытался раззадорить, а он мне отвечал мягко. Это была чудесная передача. И незабываемое воспоминание...

Хорошо бы в нашей стране восторжествовала справедливость по-Успенски!

Александр Левенбук Эдюля

Так называли Эдуарда Успенского в нашей компании. А были в ней: Феликс Камов (Кандель) известный российский и израильский писатель, автор многих литературных и исторических книг, Эдуард Успенский, самый популярный детский писатель, Аркадий Хайт, лауреат Государственной премии СССР, Александр Курляндский, лауреат такой же премии, Михаил Танич – один из лучших поэтов-песенников, и мы с Лившицем. Тогда никаких особых достижений и почетных званий у нас не было, а принципы были. Они не были сформулированы и записаны, но как бы висели в воздухе квартиры Феликса Камова, в которой мы чаще всего собирались.

Вот эти принципы: писать смешно, но не ради смеха; писать не похоже на других; обязательно изобретать свой приём, форму произведения.

Однажды Эдик что-то нарушил, в смысле товарищеской этики. Мы устроили суд над ним. Во время суда я вдруг почувствовал, что все как-то ограничиваются слишком мягкими упреками. Я спросил: «Почему?». Хайт ответил: «Амнистия за талант».

Вся молодость Лившица-Левенбука связана с Камовым и Успенским. Наш успех и популярность – их заслуга. Они написали нам массу прекрасных номеров, смешных и разных. До сих пор, а прошло полвека, многие помнят фразы:

«Начинается массовка,
Открывается перцовка».

Или:

«Баба, не будь дурой —
Занимайся физкультурой!».

Или:

«Жил старик
со своей секретаршей».

Однажды во дворце спорта Лужники мы исполняли номер «Слухи про артистов», в котором существующие слухи авторы доводили до абсурда. Разговор двух бабок.

Одна:

– Я слыхала, что Бернес
Навсегда от нас исчез.

Вторая:

– Никуда он не исчез,
В холодильнике Бернес.
В холодильнике доска,
Где морозится треска.

И на этой вот доске
Марк Бернес лежит в тоске...
Вылез, выступил Бернес
И опять туда залез.

После этих смешных глупостей Марк Бернес выходил на сцену без объявления ко всеобщей радости зрителей.

Мы начали выступать отделением и однажды выехали в длительные гастроли по Сибири и Дальнему Востоку шикарнейшей компанией: Феликс Камов, Эдуард Успенский, Михаил Танич, Ян Френкель, певица Раиса Неменова и мы.

А позже репертуара накопилось и на сольный концерт. И за всё спасибо нашим авторам.

Ещё в период соавторства с Камовым Эдик начал работать самостоятельно. Появились Чебурашка, и Крокодил Гена, и Старуха Шапокляк, и Кот Матроскин, и Дядя Фёдор, и многие, многие другие. И все персонажи были изобретением Успенского, его фантазии и таланта.

Потом судьба развела соавторов. Феликс уехал в Израиль. Эдик несколько раз ездил в Иерусалим, а Феликс приезжал в Москву. Они сохранили самые тёплые отношения.

Мелькают слухи, что Эдик был скуповат. Не знаю. Скорее наоборот. Однажды театру «Шалом» нужна была помощь, и он дал нам серьёзную сумму. Сразу, безо всяких уговоров.

Эдик любил и умел придумывать новые проекты. Он смело сочинял сказку вместе со зрительным залом, он начинал знаменитую «Радионяню» и нестандартную передачу «В нашу гавань заходили корабли». У него всё было: и слава, и популярность. Не хватало только ласки и внимания.

Знаменитый писатель Сергей Михалков придумал Дядю Степу и совершенно заслуженно купался в почестях и признании. А писатель Эдуард Успенский придумал массу таких героев, но не имел почётных званий и почти не имел высоких наград. Наверное, поэтому он любил, когда мы называли его ласково – Эдюля. И называли так до последних дней его жизни.

Валерий Воскобойников

Для меня он – всегда живой!

22 декабря – день необычный: полушарие наше накрывает самая длинная ночь, а уж в следующие недели ночи укорачиваются, зато дни – становятся всё длинней и светлее. Поэтому 22 декабря можно уверенно называть днём начала светлых надежд. А ещё в этот день в 1937 году родился мой друг и любимый писатель Эдуард Николаевич Успенский.

Когда я читаю лекции по истории русской детской литературы от древнейших времён до сегодняшних дней, то говорю студентам, что вклад Успенского в детскую литературу XX века приблизительно равен вкладу Чуковского и Маршака вместе взятых. Для нескольких поколений читателей, родившихся в XX столетии, Эдуард Николаевич – это эпоха длиной в половину века, и не только нынешние внучки, но их мамы, а также бабушки с дедушками, воспитывались на его стихах, повестях и мультфильмах, радио- и телепередачах. Мне посчастливилось в году 1965 увидеть в только что после большого перерыва возобновлённом журнале «Детская литература», а потом и изданной отдельной книжкой, одну из первых публикаций Успенского – про знаменитого смешного слонёнка. Эта публикация неведомого тогда поэта стала для меня событием жизни, потому что после десятилетий тусклых детских стихов его стихи были абсолютно новой поэзией. Как когда-то «Крокодил» Чуковского. А уже в следующем году, в 1966, была впервые издана и проза Эдуарда Николаевича: повесть «Крокодил Гена и его друзья». В принципе, уже их с избытком хватало, чтобы Успенский стал известным писателем. Так, в общем-то, и было: книги Успенского мгновенно обрели известность. Но вот только членом Союза писателей он стал очень нескоро. Литературные генералы, точнее – генералыши того времени из всех сил препятствовали его приёму в эту организацию. Внутренне свободный Успенский был для них человеком чужой крови, и они, привыкшие не столько служить, сколько прислуживаться, это мгновенно почувствовали. Зато, в отличие от них, Успенский стал всенародно любимым писателем. Причём, что показательно: его одинаково любят не только дети и взрослые государства Российского, но, например, и японского, финского, которые тоже давно воспитываются на его книгах. Эдуард Николаевич населил литературу столь большой компанией ярких, характерных и чрезвычайно популярных литературных героев, какой хватило бы десятку других известных детских писателей.

Настоящее знакомство с ним состоялось в феврале 1971 года на семинаре драматургов в Ялте. Так уж получилось, что в столовой Дома творчества нас посадили за один стол. И я в первые минуты общения сообщил ему о любви к его книгам. Он выслушал мои восторженные слова спокойно и предложил после обеда прогуляться по ялтинской набережной. Эти прогулки стали для нас ежедневными. Что мы только ни обсуждали в те часы!

В московской «тусовке» было принято считать его человеком трудным. Я, с десятков лет проводивший вместе с ним всероссийские мастер-классы и семинары молодых, пишущих для детей, а также работавший с ним в жюри премий, могу это мнение подтвердить. С Успенским и в самом деле было трудно общаться, но только жуликам, как из министерств, так и от литературы. Для остальных же общение с ним – было праздником творческой фантазии и неожиданных импровизаций. Людей, привыкших к уравновешенной жизни, неожиданные выходки знаменитого классика иногда обескураживали. Но лишь в первое мгновение. А дальше оказывалось, что в той, конкретной, ситуации именно поступок Успенского был самым правильным и точным. Я, как и другие, тоже не раз становился свидетелем и участником его импровизаций. Например, такой.

В июле 2007 года мы с ним проводили очередной Всероссийский семинар молодых детских литераторов в родном имении Тургенева – Спасском-Лутовиново и однажды вместе с

молодыми поехали в город Орёл, где нам полагалось встретиться в детской библиотеке с читателями. И когда нас привезли в эту библиотеку, оказалось, что изнывающие от жары дети уже ждали нас больше двух часов. Я был в растерянности: вести встречу с читателями, да к тому же – с детьми, доведёнными до такой кондиции, невозможно. И, тем не менее, собрался начать вступительное слово. «А давайте играть в “Репку”», – неожиданно прервал меня Успенский. И немедленно стал выстраивать из присутствующих знаменитую сказку.

Сопровождавший нас в городе мужчина солидных размеров, зам. главы администрации Орловской области, превратился в репку. Семилетний мальчик – стал дедкой, девочка – бабкой, кто-то – внучкой, директор библиотеки – Жучкой, а директор Литературного заповедника (тоже весьма солидный мужчина) – мышкой. Игра прошла под хохот всех – и детей, и взрослых. И после неё воздух вновь показался свежим и можно было начинать литературную встречу.

У Успенского неординарно было многое – его творческая биография, его дом, наполненный добродушным зверьём, его ученики, такие, как например, Олег Григорьев, Станислав Востоков, и главное – его книги, от которых устремляется в мир энергия весёлой фантазии и добра. И это очень важно: книги Эдуарда Николаевича никогда не бывали злыми. И когда однажды к юбилею Успенского меня попросили написать несколько «поздравительных слов» о нём в газету «Книжное обозрение», я, пишущий только прозу, неожиданно для самого выразил свою любовь к нему в стихотворении:

Я не открою вам секрета:
Людей известных – миллиард.
Но мне дороже всех поэтов —
Один – Успенский, Эдуард.
Ах, как хорош товарищ Печкин,
И Чебурашка, Крокодил!
Милы мне эти – человечки
Не зря их Эдик породил!
Хотел бы жить я с ними тоже,
По Простоквашину бродить,
Дрессировать котов и, может,
Его Буренушку доить!

Феликс Шапиро

* * *

С Эдиком я познакомился в середине 60-х годов прошлого века. Мы были почти ровесниками, поэтому сразу же перешли на «ты». Я тогда работал в журнале «Весёлые картинки», а Эдик ещё не был всемирно известным преуспевающим Эдуардом Успенским. Поэтому он охотно брался за любую работу. В «Весёлых картинках» он два года писал сопроводительные тексты к двум циклам детских рисунков. Один назывался «Наши мамы, наши папы». Читатели присылали в журнал рисунки, на которых изображали своих родителей, работающих в самых разных сферах народного хозяйства, а Эдик оживлял рисунки очень остроумными текстами. Он очень жалел, что нельзя подписать замечательный рисунок маленькой девочки, снабжённый собственноручной подписью «Моя мама осеменяет коров, а я ей помогаю». Но – увы! – всевидящее око блюстителей нравственности не позволило мне включить этот рисунок в очередную подборку. Предпочтение отдавалась сталеварам, плотникам и другим почётным профессиям.

Другой цикл был посвящён очередному юбилею СССР. Назывался он «Твой Советский Союз». Эдик отнёсся к этой работе очень серьёзно. Тексты были такими интересными, что мы получили несколько благодарностей от Центральных Комитетов комсомола некоторых союзных республик.

Работать с Эдиком было не просто. Он с присущим ему жаром отстаивал каждое слово. Я, как правило, соглашался с его доводами. Труднее было, когда замечания делали главный редактор или ответственный секретарь. Уже тогда Эдик не признавал никаких авторитетов. Он рвался в бой и почти всегда отстаивал свою правоту.

В 1973 году Эдик очень помог мне справиться с сюжетом либретто оперетты для детей «Аз, буки, веци, или Приключения Азбукина Феци», которую мы написали вместе с Мишей Пляцковским. Но запомнился мне этот год совсем по другой причине.

Итак, 1973-й. Расцвет застоя. Возрождение культа Сталина. Нарождение нового культа бровастого героя всего и вся. За чтение самиздатовских произведений можно было угодить за решётку. И т. д., и т. п. И Эдик даёт мне прочитать свою пьесу, название которой я, к сожалению, забыл. И не только название, но и содержание. Но впечатление осталось. А было оно таким: антисоветчина чистой воды! Вздохнул я и изрёк:

– Эдик, жутко талантливо! Но пьесу эту в Союзе никогда не поставят! Никогда и ни в одном театре!

Хорошо помню реакцию Эдика. Он улыбнулся и сказал:

– Ты исторический пессимист, а я исторический оптимист. Давай поспорим, что в недалёком будущем я тебе позвоню и приглашу на премьеру спектакля.

И мы поспорили. Прошло 15 лет. В этот период мы с Эдиком редко встречались. Честно говоря, о нашем споре я забыл. Но осенью 1988 года Эдик позвонил мне и закричал:

– Ты проиграл! Пьесу поставили! Сразу в двух театрах! В Риге и в Вильнюсе.

Думаю, что эта вера в лучшее будущее всегда помогала Успенскому жить и бороться.

И напоследок ещё один эпизод, в котором проявилась суть внутренне очень доброго человека, которым, несомненно, был Эдик.

Осень. Проливной дождь. Я в каком-то издательстве, и мне позарез нужно попасть в сберкасса. И вдруг, как в древнегреческих трагедиях *deus ex machina*, в коридоре появляется Эдик. Здравствуемся.

Эдик:

– Ты чего такой понурый?

Объясняю.

Эдик:

– Нет проблем! Я на машине. Подброшу. – И мы на его чёрной «Волге» мчимся по Москве и подкатываем к дверям сберкассы. Как говорится, пустячок, но в нём весь Эдик.

И в заключение хочу вспомнить слова Некрасова, написанные им после ухода из жизни великого критика, которые в равной мере относятся к Эдику Успенскому:

Природа-мать! Когда б таких людей

Ты иногда не посылала миру,

Заглохла б нива жизни...

Михаил Липскеров «Столбун – это не секта»

(Друг Эдуарда Успенского резко ответил на обвинения его дочери)

Открытое письмо дочери писателя Эдуарда Успенского – Татьяны, в котором она обвинила своего отца в жестокости по отношению к близким, жёнам, детям и внукам, а также выступила против присвоения его имени новой Детской литературной премии, вызвала мощную волну. Мы поговорили со старинным другом Эдуарда Успенского, писателем, сценаристом, автором множества замечательных мультфильмов Михаилом Липскеровым.

– *Вы много лет дружили с Эдуардом Николаевичем?*

– Когда моему сыну исполнилось четыре года, его кроватка перешла к Тане – дочери Эдика, как только она родилась. А в 1973 году родился мой младший сын, и кроватка вернулась в нашу семью. Вот история нашей дружбы. Мы знакомы ещё по эстраде. В последние годы я общался с Эдиком крайне мало, но знал, что с ним происходит, разговаривал по поводу его тяжбы с Леонидом Шварцманом.

– *Что думаете по поводу заявления Татьяны Успенской?*

– Я, конечно, прочитал её письмо. Мир велик и интересен. То тут, то там выплывает какая-то ерунда. Что сказать по поводу слов Татьяны, высказанных в письме и в её интервью, крайне неприятная история. Давайте по порядку.

Насчет алкоголизма. Единственная проблема, которая у Эдика была с алкоголем, это та, что он не умел пить. Но именно по этой причине практически и не пил, сколько я его помню. Теперь что касается секты Виктора Столбуна. Столбун – психолог и психиатр. Он имел государственную аккредитацию, выступал у нас на студии «Союзмультфильм», помог большому количеству известных людей, имена которых я не имею права называть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.